

Слово Архиепископа Димитрия (Муретова), Херсонского и Одесского (+1883г.) в день свв. апостолов Петра и Павла

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вам Слово Божие (Евр. 13, 7).

Приятно, конечно, и вспоминать таких наставников, каковы были св. апостолы Петр и Павел, коих богодухновенная проповедь обращала тысячи, заставляла умолкать уста мудрых и сильных мира, коих живое и действенное слово гремело до концев вселенной и потрясало самую закоренелую сердца, коих святая и чудодейственная жизнь светилась во тьме мира, подобно лучезарному светилу, озаряющему нас светом полудня. Но при этом светлом воспоминании, может быть, возникает в душе вашей, брате, и некое грустное чувство. Как счастливы, подумаете, были те люди, которые сами слышали богодухновенную проповедь св. апостолов, видели собственными очами и их великие подвиги и их славные чудотворения! И не несчастны ли мы, на долю коих осталось одно воспоминание, а не видение или слышание великих, богоизбранных проповедников Евангелия Христова, самовидцев и свидетелей ипостасного Слова Божия, приявших непосредственно от Самого Господа и слово жизни и спасения, и силу чудотворений, и власть отпущати грехи человеком?

Правда, вспоминать наставников давно умерших не то, что пользоваться живущими: и слова и дела живаго человека так же живы, как и он сам, действуют непосредственно на наши чувства, а потому и впечатление их живее, полнее и совершеннее. Но, с другой стороны, и воспоминание имеет свои преимущества пред видением и слышанием, именно в том, что оно действует не на чувства внешняя, способная поражаться, но вместе и обманываться и заблуждаться, а на чувство внутреннее, на сердце, разум и совесть, и потому и поучение чрез воспоминание менее поразительно, но более глубоко и сильно. В этом отношении благоговейное воспоминание наставников умерших даже лучше и полезнее, нежели слышание или видение живых.

В самом деле, когда мы читаем в Писании о чудных действиях святой ревности мужей богоизбранных; когда видим Илию, приводящего в трепетное молчание студных пророков вааловых и весь народ израильский; когда смотрим на Моисея и Даниила, коих грозное слово потрясает страхом чертоги царей, где

слышались дотоле одни боязливые слова ласкательства; когда взираем на Предтечу Христова, смело обличающего Ирода, — на Петра, укоряющего целый Синедрион в христубийстве, — на Павла, неустрашимого и в узах и устрашающего правителей народных: то сердце наше исполняется благоговением, душа соревнует сим ревнителям славы Божией, мы приходим в восторг и умиление, мы желали бы видеть этих чудных мужей, слышать их молниеносное слово. Но если вникнуть глубже в эти чувствования, то откроется, что пламенная ревность посланников Божиих приятна для нас только издали, во глубине времен, когда она не касается нас самих, не трогает наших слабостей и пороков, наших привязанностей и страстей. Что-ж, если бы эти великие ревнители славы Божией и чистоты нравов явились между нами; если бы мы сами, с своими слабостями и пороками, были предметом их грозного обличения; если бы их прозорливое око проникло во глубину сердца нашего, и их молниеносное слово обнаружило наши тайные мысли и чувства, желания и стремления; если бы Илия или Предтеча стали среди нас и сказали: что храмлете на обою плесну? Как убежите от грядущаго гнева? *Сотворите убо плоды достойны покаяния* (Лук. 3, 7-8). Если бы Петр, видя неверность сердца нашего пред Богом, сказал нам: *почто сатана исполни сердце ваше солгати Духу Святому* (Деян. 5, 3)? Если бы Павел пришел к нам с своею палицею, чтобы предать сатане беззаконующих, и сказал нам со властью апостольскою: *измите злое от вас самих, очистите себе от всякия скверны, плоти и духа; или не весте, яко храм Божий есте, и Дух Божий живет в вас? Аще кто Божий храм растлит, растлит его Бог* (2 Кор. 7, 1; 1 Кор. 3, 16-17)? Не убежали-ль бы мы сами от их всепроницающаго взора, как убежали от них многие современники? Не возненавидели-ль бы их и мы, как ненавидели их обличаемые ими? Не стали-ль бы злословить и преследовать их, и не подверглись ли бы за то страшной участи, на которую осуждены избившие пророков? Вспомните, братие мои, что и иудеи, распявшие Господа и гнавшие посланных Им апостолов, говорили: «если бы мы были во дни отцев наших, не были бы сообщниками им в пролитии крови пророков»; что и люди, преследовавшие и избивавшие посланников Божиих, *мнили службу приносити Богу*. Итак, не есть ли это — дело любви, милосердия и снисхождения Божия к нашей немощи, что нам дано видеть и слышать сих грозных провозвестников правды и суда Божия не вблизи, а в отдалении веков; что их живое и действенное слово не падает на главу нашу, как близкая молния, и не поражает нас громом, а тихо проникает в сердце наше, как животворный луч отдаленнаго светила; что мы можем прилагать грозное слово

их к язвам своей совести не как раскаленное железо всенародного обличения, а как умягчающий пластырь тайного вразумления?

С другой стороны, живя в теле, самые великие праведники являлись и были подобострастными нам человеками. *Вся слава дщери Царевой, души богоподобной, внутрь*, а со вне они являются якоже и прочии человецы, как говорит препод. Макарий. Высота совершенства их покрыта покровом глубокого смирения и их св. подвиги сокрыты от очей мира в тайне всеведения Божественного, а со вне их действия могут быть неодинаково судимы, пересуждаемы и осуждаемы по произволу человеческого. Нужен дар разсуждения духовом, чтоб отличать истинно духовных учителей от лживых пророков. Нужна крепкая вера, чтоб, не соблазняясь уничиженным видом и смиренною долею, в коих являлись современникам истинные посланники Божии, постигнуть их духовную высоту и славу. И не здесь ли причина, почему между современниками великих наставников веры и благочестия христианского весьма немногие, не соблазняясь ничем видимым, могли постигнуть их духовное величие, прилепиться к ним сердцем своим и успешно воспользоваться их обличениями и наставлениями? Не говорили-ль и о Самом Спасителе: *не сей ли есть сын Иосифов, и Мати Его Мариам и братия Его в нас суть?* И, говоря таким образом, отвращали слух свой от Его спасительного слова, не веровали даже чудесам Его. Не говорили-ль и о св. Павле: *что сей суесловивый хочет глаголати*, когда он проповедывал глаголы живота вечного? Не изгоняли-ль из градов, не заключали-ль в темницы, не предавали-ль смерти св. пророков и апостолов? Не лишали-ль святительских кафедр и не изгоняли-ль в ссылку великих Афанасиев, Григориев и Златоустов, которые были светилами своего века, украшением Церкви Божией? Не издевались-ли над великими подвижниками, как над малоумными и странными? То же самое в большей или меньшей мере бывает со всеми святыми, которые в очах мира всегда кажутся буими, которых житие не подобно другим. Итак, не блаженнее ли мы, не видевшие апостолов Христовых телесными очами, но видящие их верою, взирающие на скончание жительство их, ознаменованное присутствием в них благодати Божией, когда Сам нелицеприятный Судия мира оправдал их жизнь и учение чудодейственным прославлением, когда смерть отъяла и очистила все земное и явила небесную чистоту их жизни и учения? Не блаженнее ли мы, видящие их не в унижении и безчестии, а в славе вечной, не в гонении, темницах и узах, а в обителях блаженства и в славе царства Христова? Сия-то небесная слава прославленных Богом святых мужей, глаголавших нам Слово

Божие, и служит для нас, брате, несомненным залогом того, что исповеданное и проповеданное ими учение веры и благочестия истинно и спасительно, что пройденный ими путь жизни ведет несомненно ко пристанищу живота вечного, что верование их слову и последование их учению и жизни может привести и нас туда, где они царствуют ныне со Христом Господом в Его славе.

Но как, скажете, поучаться у наставников, которых не видим? Как слышать уроки человека, жившаго за многия столетия и тысячелетия? Чем заменить близость живаго наставления? Близость в духе измеряется, брате, не расстоянием места и времени, но мыслию, желанием и любовью, созерцанием, молитвою и верою. Что сближает живущих друг с другом? Не видение и слышание, а единомыслие, сочувствие и любовь. Чем приемлем и усвоаем себе слова живаго наставника? Не слухом внешним, а слухом внутренним, вниманием, доверием или верою. Без веры все слышанное нами есть для нас пустой звук. Неверию и в словах Самого Христа Спасителя слышалась хула: *что сей глаголет хулы?* говорили фарисеи, между тем как вера истинная обретала в них *глаголы живота вечнаго*. Неверию и из уст св. Павла слышалось суесловие: *что сей суесловивый хочет глаголати?* говорили о нем Афиняне, между тем как вера истинная принимала слово Его, *яко воистину Слово Божие*. Но вера, брате, не знает расстояния, мест и времен: она сближает нас и с давно жившим, но благоговейно воспоминаемым наставником точно так же, как и с присутствующим. И это тем более удобно для нас, что ничто важное, полезное и необходимое из учения и жизни первых учителей христианства не утрачено; все сохранено для нас в богатой сокровищнице Слова Божия и предания церковнаго. Их богодухновенные глаголы всегда оглашают слух наш в храмах Божиих; их духовные опыты жизни сохранились в руководство нам в церковных сказаниях; их живая и плодоносная вера олицетворяется пред нами в живых образах их богоугоднаго жития.

Итак, поминайте сих богодухновенных наставников наших воспоминанием веры, приемля с чистым сердцем духоносное слово их, *не аки слово человеческое, но якоже есть воистину Слово Божие*. Поминайте воспоминанием любви и возбуждайте в сердце своем сочувствие к их святой жизни, к их святым помыслам, чувствам и стремлениям, к их великим подвигам веры и любви. Поминайте воспоминанием благодарности и молитвы, воздавая им честь, хвалу и благодарение за их великие труды и подвиги в благовествовании миру Евангелия Христова, в просвещении нас светом веры и

благочестия, прося их заступления и ходатайства о нас пред Господом. Поминайте паче всего подражанием их богоугодному житию по вере: *ихже взирающе на скончание жития, подражайте вере их* (Евр. 13, 7). Иначе, что пользы восхвалять святых мужей, но не слушать их богодухновенного слова, или, слушая, не исполнять их наставления, не последовать их *учению, житию, привету, вере, долготерпению, любви, терпению*? Что пользы не отвращать слуха своего от глаголанного ими Слова Божия, но и не обращаться всем сердцем к глаголавшему в них Духу Божию. Прославляемые нами св. апостолы станут некогда с нами на суд, и обличат нас. Вы, скажут они нам: вы справедливо почитали нас истинными слугами Божиими, истинными друзьями Христовыми, ибо этой чести действительно сподобил нас Господь; почему-ж вы не хотели, подобно нам, служить единому Господу преподобием и правдою вся дни живота своего, благождать Ему всесердечным послушанием святейшей воле Его, исполнением святых и животворных заповедей и повелений Его? Вы почитали память нашу празднествами; для чего же оскорбляли, вместе с тем, священные дни нашей памяти неблагоприличными забавами, греховными удовольствиями, непристойным невоздержанием, богопротивными делами? Почему не освящали их чувствами особенного благоговения и страха Божия, чистотою и воздержанием, делами святыми и богоугодными? Вы прославляли наши добродетели и подвиги, восхваляли нашу ревность о славе Божией, нашу кротость и смирение, наше незлобие и терпение, наше милосердие и сострадание к собратиям своим, наше самоотвержение и любовь; почему же не подражали нам в своей жизни, не старались усвоить себе эти богоподобные и боголюбезные добродетели, чтобы сделаться, подобно нам, *сынами Вышняго, царским священством, языком святым, людьми обновления, человеками воистину Божиими*? Вы слышали или читали проповеданное нами Слово Божие; почему же не принимали его, как истинное Слово Божие, с живым и искренним усердием, любовью и благоговением, не покорялись ему, как истинному слову Божию, с самоотвержением и готовностью на всякое дело благое? Почему не возлюбили Слово Божие так, чтобы оно было пищею души вашей, отрадою и утешением сердца, светильником ногам и светом стезям вашим; чтобы оно сияло в сердце вашем светом живой веры, пламенем горячей любви к Богу и ближним, отрадным сиянием живой надежды на Бога и упования жизни вечной; чтобы оно служило живым и животворным источником всех ваших помыслов и желаний, всех чувствований и поступков; чтобы им управлялась и освящалась вся ваша жизнь и деятельность и внутренняя, и внешняя, и домашняя, и

общественная? Так скажут нам апостолы Христовы, и сделают нас безответными на суде Божиим. Тогда мы на себе самих познаем, что *не слышателие закона, а творцы закона, сии*, и только сии, *оправдятся пред Богом*. Аминь.

Слово Святителя Платона, Митрополита Московского и Коломенского (+1812г.) в день святых апостолов Петра и Павла

Истинно оное разсуждение мудрых, что *честь за бегущими от ней бегают, а от убегающих за нею убегают*. Прославляемые ныне всею христианскою Церковью, апостолы не воображали о чести; но честь чрез столько веков провождает память их. Сии, кои почитались отребием мира, — сии, бывшие всем поправление и позор поругания пред лицом мира, ангелов и человеков, — сии, терзавшие ризы свои, когда Ликаонские жители поставили было им, яко богам, жертвенники, — сии, говорю, напоследок столь прославились, что вселенная со сладостию воспоминает имена их; и сам, носящий венец, почитает пепел их и от них ожидает молитвенного к Богу ходатайства. Не может быть большой удар для тщеславия человеческого, которое с жадностию бегают за сим завидным предметом, но не постигают; а смиренный исполнитель звания Божия сретаёт честь и славу, собою идущую к нему радостною ногою.

Прославим убо тех, их же Бог благоволил прославить; и, чем меньше они искали того, тем радостнее почтим таковых. Имена их столько должны быть любезны и память приятна, сколько любезна для нас вера и спасение наше.

Но как мир взирает на сие с удивлением: ибо, где не видит пользы или славы своей, там он ослабевает в подвиге, — то посему и настает нужда решить сие великое недоумение изъяснением, *чем были воодушевлены апостолы к таковым трудам; а потому каким образом и мы можем подражать им в том*.

Конец дела есть последний в получении, но первый в намерении. И поступок, ежели он благоразумный, не может быть без того, чтобы человек не предложил себе известного конца; и, чем важнее предпринимает кто дело, тем более обязан размышлять о конце его.

Апостольское звание, если бы о нем и не разсуждать, что оно состояло в отведении народов от заблуждения, многими веками и последними примерами утвержденного, особливо в столь важном и нежном пункте, каковой есть вера, — хотя бы о звании апостольском посему и не разсуждать, по крайней мере, их должно было заставить подумать о конце сие, что оно предвозвещало безчисленные труды, опасности и лишение самой жизни. А жизнь, в каком бы состоянии ни был, человек уважает паче всего в свете.

Человечески говоря, нельзя сказать, чтобы в них не доставало благоразумия, или чтобы они были управляемы только слепой и жаркою ревностью. Одни послания Павловы и Петровы, ежели вникнуть в них безпристрастно, хотя бы кто и не был последователь их учения, должен признать, что они писаны рукою благоразумного, честного и умеющего кротостию усмирять поступки свои.

Какой же конец имели Апостолы в деле служения своего? Здесь тотчас должно отвести, что они не были привлекаемы к тому ни собственною корыстию, ни славою человеческою.

Они не взирали на корысть свою. Вот их собственные слова: *Сребра или злата или риз ни единого возжелах* (Деян 20, 33). *Кто насаждает виноград, и от плода его не яст? Или кто пасет стадо, и от млека стада не яст? Но не сотворихом по власти сей: но вся терпим; для чего? да не прекращение кое дамы благовествованию Христову* (1 Кор 9, 7, 12). Даже когда Апостол собирал милостыню на бедных вдовиц и нищих, он не хотел, чтоб сей сбор был поручен ему; но просил, чтобы он был поверен другому, по их избранию. *Блюдемся, говорит он, да не кто нас опорочит во обилии сем служимем нами: промышляюще добрая не токмо пред Богом, но и пред человеки* (2 Кор 8, 20, 21). Труды апостольские были соединены с рукоделием; и руки, златою тростию пишущие золотые законы, не стыдились для пропитания своего обращать на занятия, почитаемыя низкими. Да и самая жизнь их доказывала, что они были ничтоже имущие. Где только видели беды, страдания и смерти, там о прибытках было не вместительно. *Не ищем, взывали они, ваших, но вас* (2 Кор 12, 14).

Не искали же и славы человеческой. Вот — признание их совести: *Бог свидетель: не ищем от человек славы, ни от вас, ни от иных* (1 Фес; Сол 2, 5, 6). Да апостол Павел с презрением взидал на таковую славу. *Мне, пишет он, не велико есть, да от вас истяжуся, или от человеческого дне* (1 Кор 4, 3), т.е., я не могу уважить о себе мнений человеческих, как часто погрешительных, или суда человеческого. Судяй же мя Господь есть, *иже во свете приведет тайная тьмы, и объявит советы сердечныя* (1 Кор 4, 5).

Но приступим уже к тому концу, который они предложили себе в деле апостольства.

Во-первых, апостолы одушевляли себя тем, чтобы исполнить волю Пославшаго их. Шли на все радостно, и красныя ноги свои очищали во благовествовании мира, не разбирая никаких, могущих сретиться, трудностей,

только чтобы не опорочить звание свое и Призвавшего их, так же как верный воин, повинувшись повелению военачальника своего, стремится на все, вручая себя и жизнь свою пекущемуся о всем Промыслу. Побуждением к тому было впечатление в сердце их, что великий Посланник Божий пришел на землю открыть истину богопочитания и волю верховного Законодателя, а на них судьба Божия благоволила пасть жребию быть орудием такового служения. И потому апостолы почитали, что они достигнут своего коица тогда, когда верно послужат званию Божию, яко послушные рабы, и когда удостоятся сказать при последнем издыхании: *подвигом добрым подвизахся, течение скончах, веру соблюдох* (2 Тим 4, 7).

Не меньшим побуждением к тому была и привязанность сердца, горячо любящего Пославшего их. Как Он вручал им правление паствы на основании любви: *любиши ли Мя? — паси овцы Моя* (Ин 21, 17), то почему они хотели соблюсти сие условие во всей его непорочности: *кто ны разлучит от любви Божия* (Рим 8, 35)? Сему концу соответствовать они ревновали исполнением звания своего; всемерно тщались доказать, что они любят Любящего их и свидетельствуют свою благодарность взаимною любовью. При таком расположении могла ли внедриться в мысль их или собственная корысть, или искание славы человеческой? — никак... Сие опорочила бы их любовь, и она уже переменялась бы в лицемерие. Нет, все сии выгоды для них казались низкими: *вся*, говорили они, *препобеждаем для Возлюбившаго ны* (Рим 8, 37).

Второй конец, который, впрочем, союзен с первым, — предлагали себе, чтобы услужить другим и показать, что они полезны для рода человеческого. Чрез возсиявший на них с небесе свет истины они видели, что невежество покрывает землю, и заблуждение изгнало из мира истину. Звание их, просвещение, совесть, благонамерение и ревность их не могли оставить их спокойными, чтобы мечем слова Божия не вооружаться против сих духов злобы поднебесных и, избавив мир от такового порабощения, даровать каждому свободу совести. *Горе мне, аще не благовествую!* (1 Кор 9, 16). Сия ревность их простиралась столь далеко, что укрепили себя охотно сносить все опасности и самую смерть, только чтобы сия жертва была спасительна для других. О души, светлейшие зеркала честности! Не может быть большее доказательство любви к ближнему, как положить душу свою за братаю свою. Каковую цену положим мы таковой ревности и любви? Пусть бы мы разсуждали о них не как об апостолах, но яко просто о человеках. Какой же есть из важнейших конец каждого человека?

Не тот ли, чтобы быть полезным для других? чтобы быть для общества благодетельным орудием Промысла Божия?

Сей конец предлагали себе апостолы, и никакими сторонними видами не опорочали его, — почему благополучно и достигли онаго. За сим честь и слава сами собою следовали, хотя о том они не воображали; но тем справедливее наслаждаться оною право имели.

Если же что апостолы в деле своем для себя и искали, то, дабы не допустить совесть свою до попрекания, что они или талант сокрыли, или поленились, или позавидовали, или только прибытков своих искали. О, многое их было в сем тщание! *Лучше мне умереть, — вот Павлов благородный глас, — нежели похвалу мою кто да испразднит!* (1 Кор 9, 15). Пусть бы зависть и злоба вооружались, пусть бы напали все бедствия, как бы с цепи спущенные, пусть бы тело было предано на терзание; но совесть незазорная, душа непорочная, дух, неповинностью увеселяющий себя, был подкреплением их твердости и великодушия. При раздроблении их членов, они вопияли: *Владыко, Господи! благодарим Тебя в час сей, что мы страждем от болезни телесная, а не от совести.* Ах! какое зрелище — видеть в человеке действие выше силы человеческой!

Но понеже, со всем тем, они были люди, так, по человечеству рассуждая, скажет кто, *нельзя, чтобы они не ожидали какого-либо воздаяния за труды свои.* Для решения сего надобно решить другой вопрос. Что? служили ли они Богу из награды или из любви? Наемник служит из награды, сын — из любви. Наемник, награды не видя, бросает все; сын по единой любви к рожденному никогда служить не престаёт: *наемник, яко наемник, видит волка грядуща и оставляет овцы и бежит* (Ин 10, 12). Апостолы не были наемники: были сыны Божии по благодати и любви. Довольно было для них сим побуждением одушевлять действия свои. Впрочем, на любовь Отца Небеснаго полагались с полным уверением, что она труды их забвению не предаст, что свойство ея — награждать еще более, нежели заслужил кто. По всех подвигах своих они признавали, яко *остается венец правды, его же воздаст им Господь в день он, праведный Судия* (2 Тим 4, 8).

Се, видим, последователи учения апостольскаго, какой конец предлагали они себе, вступив в звание апостольское. Хотя звание наше и различно от звания их; однако есть звание. И для того по единому общему всех званий существу должно всем предлагать себе и единый общий конец.

Зван и ты от Бога, когда определен в должность от власти законной, порядком законным, — зван, говорю, от Бога, а не пронырством, не происками, не мздоимством звание получил: ибо таким образом получить есть то же, как бы его и не получать, или по крайней мере, лучше было бы его не получать. Зван ты от Бога: честь звания твоего и честь призвавшего тебя требует, чтобы ты не опорочил ни себя, ни его. Не может для тебя быть славнее, как если будет проповедано, что честь в тебе сияет так, как камень дорогой в золотой оправе. Не может быть увеселительнее и для призвавшего тебя, как если он видит, что не ошибся в избрании твоём, что просвещенную его прозорливость ты оправдаешь делами своими.

Но, притом, ты как член общества связан с другими, да еще по должности своей и особливо обязан, чтобы другим оказывать свои услуги. Ты естественно ищешь себе покоя, ты христиански желаешь, при последнем закрытии очес сказать: *Ныне отпускаеши раба Твоего, Владыко, с миром* (Лк 2, 29). Но может ли быть большее спокойствие, большее ободрение при последних минутах жизни, как когда в зеркале совести твоей видишь сияющие изображения твоих благодеяний?

Прибавь к сему, что ты — создание, есть твой Создатель праведный и благий. Ты живешь в мире коловратном, где заслуги часто могут быть не награждаемы, но преданы забвению. Взирай к оному Судии, у Котораго весы суть мерило праведное. Вот, по каковым основаниям должно нам располагать звания свои. *Елицы правилом сим жительствуют, мир на них и милость, и на Израили Божию* (Гал 6, 6, 16).

Но сметь ли приложить к сему правилу поступки тех, кои предвосхищают звание Божие всяким непристойным способом: входят не дверьми, но прелазят оныя? Могут ли таковые уважить общую пользу, когда она противна их собственной? Но надобно, де, и свою пользу не пренебрегать. Истину сию никто не оспаривает, как сам таковой. Кто ищет своей пользы, а не радит об общей, тот теряет и свою. Нельзя, — поистине нельзя, чтобы безпристрастный и ревностный хранитель общей пользы не находил тут и пользы своей, или, по крайней мере, не увеселялся духом своим, что потеря его собственной пользы есть жертва, принесенная в пользу общества. Впрочем, если бы со всем благонамеренным усилием нашим встречались еще противная следствия, в таком случае лучше уступить коловратности мира, нежели отступить от честности.

Если утвердим себя на сих правилах, шествуя по их стезям, апостолов прославим, веру свою освятим, добрыми гражданами себя докажем, общество укрепим, поставленной над нами от Бога главе угодим, облегчим ее бремя, споспешим ее благонамеренным мыслям, возвеселим матернее ее сердце. Видели мы, какой предлагали себе конец расширители царства Иисус Христовы. Известны же нам и благия намерения Августейшей нашей Монархини. Звание ее есть звание апостольское. Она управляет и подкрепляет себя в великом подвиге своем теми же побуждениями, то есть да прославит свято и славно Призвавшего ее, да угодит Вручившему ей скипетр и венец, да исполнением царского звания своего возблагодарит за Промысл Его, вспомоществующий во всех и труднейших делах ее, а притом да окажет услугу человеческому роду, паче же врученной от Бога державе своей, чтобы, прежде в своей совести, а потом пред судом Его праведным, пред лицом мира всего, со дерзновением сказать: *Се аз и дети мои, их же мне дал еси, сохраних, и ни один от них погиб* (Ин 17, 12). Се зеркало, в которое мы должны взирать! Да подражание члены главе, путешествующие — руководительнице, дети — благоутробнейшей матери, верные подданные — просвещеннейшей Монархине.

Да предстанет же пред нас и любезнейший Павел, дражайший торжества сего виновник. Честность души его и намерений достойны, чтобы он был почитаем прямым последователем апостолов, последователем же и Августейшей Матери своей. Взираем мы на отсутствующаго его, как на присутствующаго: ибо образ его неизгладим пребывает в мысли и сердце нашем. Взирая на образ сей, видим оный исписанный златыми шарами добродетелей: ревностию к общей пользе исполнена душа его; из уст его е выходит сие божественное изречение, что он *почитает себя и рожденным и живущим для Отечества*. Какое увеселение — Августейшей Монархине, располагающей учинить бессмертными великия дела свои чрез таковое богоизбранное орудие! Какое утешение для Отечества, укрепляемаго таковою надеждою! Какая радость Церкви Христовой, на таковой залог Божией благодати к себе взирающей!

Ты же, содержи в руке Своей вся дела наши, Боже! управи вся во благое, да всегда воспеваем благословенное имя Твое в празднственных соборах Церкви Твоея, и при торжествах Отечества нашего. Аминь.

Сказано, в присутствии Ея Императорскаго Величества, Екатерины II, 1776 года, июня 29 дня, в день тезоименитства Его Императорскаго Высочества.

Слово Архиепископа Феофана (Быстрова), Полтавского и Переяславского (+1940г.) в день святых первоверховных Апостолов Петра и Павла

И Аз тебе глаголю: яко ты еси Петр, и на сем камени созижду Церковь Мою, и врата ада не одолеют ей (Мф. 16, 18).

В сих словах Божественного Основателя Церкви заключается краткое, но весьма глубокое учение о непоколебимости Церкви Христовой до скончания века. Нам необходимо рассмотреть, в чем состоит сия непоколебимость Церкви, на чем она основывается и каким образом можем сделаться участниками мы, отдельные члены ея.

На вопрос: каким образом Церковь Христова непоколебима и неразрушима, когда некоторые Церкви очевидно поколебались и разрушились? — Православная Восточная Кафолическая Церковь отвечает: Церковь Христова непоколебима в своем вселенском единстве. Не то это означает, чтобы никакая часть большая или меньшая, не могла отпасть от сего единства, но то, что, несмотря на отпадение иногда некоторых частей, всегда остается единая, святая, соборная и Апостольская Церковь, сохраняющая чистое исповедание веры и учение жизни, неповрежденное Священное Писание и Священное предание, и непрерывное преемство священноначалия и таинств.

Обуславливается сия непоколебимость вселенской Церкви тем, что основана она, по благоволению Отца Небеснаго чрез Св. Духа Самим Иисусом Христом, Который является и подлинным основанием и главою Церкви. А сия последняя есть тело Его, оживляемое Духом Святым. Апостол Павел пишет: «основания инаго никтоже может положить паче лежащаго, еже есть Иисус Христос» (1 Кор. 3, 11). В сих словах Апостол не только признает Иисуса Христа первоначальным и незыблемым основанием Церкви, но и отрицает возможность другого подобного основания. Посему Ап. Павел, к которому первоначально были обращены Спасителем слова об основания Церкви, не может быть первоначальным основанием Церкви. Он может и должен быть признан лишь вторичным основанием ея, на Христе утвержденном и во Христе только непоколебимом. Да и в сем последнем смысле он является таковым не единично, а наряду с другими апостолами, сущу краеугольну самому Иисусу

Христу (Еф. 11, 20), хотя и первым. Так учит о сем св. ап. Павел (Еф. 11, 20) и истинность сего понимания подтверждает Тайновидец Иоанн Богослов. Сей последний, описывая представившееся ему в духовном видении величественное здание небеснаго града Церкви вселенской, свидетельствует, что стена сего града имеет оснований дванадесять и на них имен дванадесять Апостолов (Апок. XXI, 14), а не одного Ап. Петра. Итак первым и главным основанием Церкви является сам Христос Спаситель и этим обуславливается ея непоколебимость.

Отсюда, наконец, становится ясным и то, каким образом соделываемся причастниками непоколебимости Церкви мы, отдельные члены ея.

Церковь непоколебима во Христе потому, что Христос есть не просто человек, а Богочеловек. В Нем человечество ипостасно соединено и так сказать, помазано Божеством, и чрез сие соединение соделалось непоколебимым; ибо само по себе непоколебимо только Божество. Посему и нам если хотим сделаться причастниками сей Божественной непоколебимости Основателя Церкви, необходимо с Ним благодатно соединиться. А сие возможно лишь чрез полное в вере и жизни послушание Матери нашей Церкви, которая, по слову Апостола, есть Дом Бога живаго и столп и утверждение истины (1 Тим. III, 15). «Апостолы», — говорит св. Иринеи Лионский, — «в церковь, как в сокровищницу, вполне вложили все, что относится к истине, так что всякий желающий берет из нея питье жизни» (Против ересей III гл. IV, § 1). И все в ней истинно: заключено ли оно в писании или хранится в виде ненаписаннаго предания. «Из догматов и проповеданий, соблюденных в Церкви», — говорит св. Василий Великий, — «иные имеем в учении, изложенном в писании, а другие, дошедшие до нас от Апостольскаго предания, прияли мы в тайне. Но те и другие имеют одинаковую силу для благочестия. И никто не оспаривает последних, если хотя несколько сведущ Он в церковных постановлениях.

Ибо, если бы вздумали мы отвергать не изложенные в Писании обычаи, как не имеющие большой силы, то неприметным для себя образом исказили бы самое главное в Евангелии, лучше же сказать, обратили бы проповедь в пустое имя» (К Амфилохию, о Св. Духе гл. 27).

На верности Апостольскому преданию писанному и неписанному утверждается истинность и Вселенских соборов. «Мы неприкосновенно сохраняем все церковныя предания», — свидетельствуют отцы VII Вселенскаго собора в деяниях сего Собора. — Мы следуем древнему законоположению Кафолической Церкви. Мы сохраняем определения отцев. Прибавляющих что-

либо к учению Кафолической Церкви, или убавляющих от него, мы предаем анафеме. Кто унижает какое-либо предание церковное, писанное ли то, или неписанное, тому анафема». (Деян. Всел. соб. т. VII стр. 284, 293, 294).

Однажды состоявшиеся определения Церкви по решенным уже догматическим вопросам воспрещалось подвергать вторичному рассмотрению и перерешению. «Умоляю вашу святость,» — писал отцам III Всел. собора Карфагенский епископ Капреол, — «умоляю, чтобы вы, при содействии Св. Духа, Который, как я не сомневаюсь, будет в сердцах ваших при всех ваших действиях, силою древняго предания поражали новыя и доселе неслыханныя учения, не касаясь тех, которыя уже прежде отвергла Церковь, дабы под предлогом вторичнаго изследования не возобновлять того, что уже прежде отвергнуто. Ибо, если кто станет подвергать новому изследованию предметы уже решенные, о том по справедливости должно сказать, что он не иное, что делает, как сам сомневается в той вере, которая доселе имела силу». — «Таково мнение всех нас; мы все говорим то же!» в ответ на сие заявление Карфагенскаго епископа воскликнули отцы III-го Вселенскаго собора (Деян. Вс. соб. 1, стр. 230).

Так учит нас Кафолическая Церковь. Слышим ли мы голос ея и слушаемся ли его? Отвечу на сие словами св. Григория Богослова: «процветали и прекрасно текли некогда наши дела. Тогда во дворы Божии не имело доступа это излишнее сладкоречивое и ухищренное (какое видим ныне) богословствование. Напротив того, сказать или услышать о Боге что-нибудь новое и удовлетворяющее одному любопытству, значило то же, что играть в камни и скоростью их перекидывания обманывать зрение, или забавлять зрителей разнообразными и женоподобными движениями тела. Простота и благородство слова почитались благочестием. Но после того как философия и охота к словопрениям, подобно какой-то тяжелой и злокачественной болезни, вторглась в наши Церкви, пустословие стали почитать ученостью и, как в книге Деяний говорится об афинянах, мы ни во что же ино упражняемся, разве глаголати что или слышати новое (Деян. XVII, 21). С сего времени какой Иеремия, один умеющий составить плач равномерный страданиям, оплачет наш позор и омрачение» (Слово 21; гл. II, стр. 15)! Дерзновенно переразсматриваются давно определенныя Церковью учения и не менее дерзновенно провозглашаются совершенно новыя! — У нас «всякий богослов, хотя и тысячи пятен лежат у него на душе» (Вас. Вел. о Св. Духе; т. III, стр. 287). Забывают наши новые богословы, что «никто не может войти в богословие и сказать подобающее о Боге, как только Духом Святым» (Никита

Стифат, третья сотница § 85). «Ибо Божественное Писание постигается духовно, и сокрытия в нем сокровища только духовным открываются Духом Святым. Душевный же человек откровений приять не может» (1 Кор. II, 13-14) (Ник. Сти. третья сотн. § 78)».

Вот почему и нет мира у нас. Все разстроилось у нас и еще более приходит в разстройство. И печалюсь сему, но и радуюсь. Печалюсь потому, что нет мира у нас. Но и радуюсь, что он будет! «Величайшее благо есть мир. Он прекрасен и делом и именем. Он Божий (Фил. 4, 7); Бог есть его Бог (2 Кор. 13, 11) и Сам Бог им именуется (Еф. 2, 14)» (Гр. Бог. слово 23, т. II, 186). Однако не всяким миром надобно дорожить. Ибо есть прекрасное разногласие, и самое пагубное единомыслие. Но должно любить (только) добрый мир, имеющий добрую цель и соединяющий с Богом. Когда же идет дело о явном нечестии, тогда должно скорее идти на огонь и меч, не смотреть на требования времени и властителей (дерзну сказать не только мирских, но и духовных) и вообще на все, нежели приобщаться лукаваго кваса и прилагаться к зараженным. Всего страшнее — бояться чего-либо более, нежели Бога, и по сей боязни служителю истины стать предателем учения веры и истины!» (Слово б; т. 1, стр. 192-193).

Почему же уверен я, что и добрый мир, наконец, у нас будет. «Богом присуждено, братие, — чтобы из рода в род не прекращалось уставление Духом Святым пророков Его и друзей для благоустроения Церкви Его. Ибо, если змий древний не перестает изрыгать яд греха в уши людей на пагубу душ, то создавший наедине сердца наши (Пс. 3, 15) не воздвигнет ли убога (Пс. 112, 7), посылая в помощь наследию Своему меч духовный, иже есть глагол Божий (Еф. 6, 17)?» (Ник. Стиф. 2-я сотница § 34). Ей, воздвигнет!

Яко чада послушания, с усердием и любовью будем, братие, принимать от уст Матери нашей Православной Церкви чистое учение веры и жизни, истинное благодатное освящение и верное руководство к жизни вечной. И будем бегать всякаго рода лжеучителей, этих «аравийских, как выражается св. Афанасий Великий, — волков» (Софон. 3, 3). (Аф. Вел. на Мф. VII, 15-16; т. IV стр. 437-38). Аминь.

Произнесено 29 июня 1928 г. в г. Варна, Болгария.

Слово Архиепископа Саввы (Раевского), Сиднейского и Австралийского (+1976 г.) в день святых первоверховных Апостолов Петра и Павла

Во имя Отца, и Сына и Святаго Духа.

Что можем сказать сегодня об этих великих столпах христианства?

Один церковный писатель не так давно, рассуждая о смысле и значении проповеди, написал: «За 19 веков Христовой Церкви ни один христианский проповедник не сказал ничего нового. Но те, которые были в Духе, каждый раз говорили по-новому. Истина Христова непрестанно обновлялась в словах каждого духовного проповедника, хотя они все говорили одни и те же слова». Больше того, прибавим от себя, даже раз произнесенные такими духоносными проповедниками проповеди при повторении их с амвона другими проповедниками не могут не вызвать искренних переживаний истины в слушателях, особенно, если эти слушатели действительно «алчут и жаждут правды». К числу таких духоносных проповедников относится и наш общественный богослов Святитель Димитрий Ростовский. Все его писания, богословские рассуждения и проповеди настолько содержательны и вдохновенны, что могут быть приравнены к творениям великих отцов и учителей Вселенской Церкви.

Св. Иоанн Златоуст называет великих апостолов Петра и Павла столпами церковными и светильниками вселенной. С какими столпами мы сравним этих верховных апостолов, задает вопрос Св. Димитрий Ростовский и так отвечает на этот вопрос. Когда древний Израиль оставил страну рабства Египет и направился в землю обетованную, в свое время назначенную ему Богом, нынешнюю Палестину, то Господь чудесным образом указал ему путь. Впереди перед Израильским станом днем шел облачный столп, а ночью, когда им приходилось передвигаться в темноте, перед ними шел столп огненный, который и указывал им путь. Какова была сущность и природа этих столпов, мы не знаем. Пусть это объясняют искусные толкователи библии, стремящиеся чудесное и сверхъестественное объяснить нам естественными законами. Как в темных облаках сияет огненная молния, так и в этом библейском столпе чудесно объединились две стихии: водная и огненная. Не менее чудесно, не менее таинственно были объединены святые апостолы в своем подвиге служения

Церкви Христовой. Разные по телу, они стали едиными по духу, как говорится в одном из песнопений праздника в их честь. Они были единокорны в той мере, в какой определил некогда дружбу греческий философ Аристотель: «Друг — это одна душа в двух телах».

Два человека с разными именами: Павел и Петр, но одно единомыслие в апостольском служении, два великих апостола, но у них согласие в верховенстве, как прекрасно говорил Св. Димитрий Ростовский. Желая это отметить, Св. Церковь соединяет празднование их в один день, почитая не одного только Петра, но и вместе и Павла, и установила для них единое празднование 29 июня или по новому стилю 12 июля.

А сколько было различия между этими святыми апостолами! Оба от природы одаренные, они шли сначала различными путями.

1. Один из них, Петр, без образования простой рыбак, забрасывает сети на озере, другой — Павел ищет знания и с книгой в руках часто сидит у ног знаменитого Иудейского учителя Гамалиила, изучая закон Моисеев и пророков.

2. Один сразу же пошел за Христом, другой был предан фарисеям, противникам Христа, и был заражен их гордостью, фанатизмом и нетерпеливостью.

3. Один из них, Петр, когда слуги архиереевы и римские воины пришли в Гефсиманский сад, чтобы взять Спасителя, в порыве любви к своему Учителю, вынул нож и отсек ухо архиерейскому слуге Малху. Другой свирепо гнал последователей Христа и саму Церковь Христову. В послании к Галатам Апостол Павел говорит: «Вы слышали о моем прежнем образе жизни в Иудействе, что я жестоко гнал Церковь Божию и опустошал ее» (Гал. 1:13).

Но, вот Господь призвал одного и другого к великому служению, к верховенству, сделав их великими сосудами для восприятия Божественного откровения и благодати. Величие и духовная красота Апостола Петра выразилась в его признании Христа Сыном Божиим. «За кого люди почитают Меня, Сына Человеческого?» — кротко спросил Спаситель, и Петр с великой горячностью смело и пламенно ответил: «Ты Христос, Сын Бога Живого!» Вчерашний рыбак — сейчас глубочайший богослов, проникающий в великую тайну боговоплощения.

«Блажен ты, Симон Ионин — ответил Христос, потому что не плоть и кровь открыли тебе, но Отец Мой, сущий на небесах» (Матф. 16:16—17). «Ты отныне будешь называться Петр — камень, и на этом камени Я созижду церковь Мою, и

врата адовы не одолеют ее». Кто-то скажет, что Апостол Петр отрекся от Христа в самый тяжелый момент жизни Спасителя. Да, ап. Петр отрекся, согрешил, пал. А разве мы с вами не падаем, не грешим, разве гордость, осуждение, основанное на сплетнях и досужих домыслах нашего маленького ума, пренебрежительные отношения к ближнему и другие страсти не спускают нас в низину греха?

Разве мы не изменяем Христу, даже в такие ответственные моменты как исповедь, когда мы с холодным сердцем подходим к духовному отцу. Даже в этот момент, когда душа хочет успокоиться, найти мир, ты говоришь о недостатках, ошибках и грехах других, говоришь с недоброжелательностью и ненавистью. Даже и в такие моменты у тебя нет прощения. Если даже повторяешь за духовником после его наставления холодные слова «грешен... грешен...», то сердце твое спит, оно закрыто!

И после этой исповеди, ты осмеливаешься принимать Тело и Кров Христа. Не во осуждение ли ты принимаешь Св. Тайны? Апостол Петр согрешил, но и покаялся. Выходя со двора архиерейского, он горько плакал. Только Иуда не плачет, не сокрушается, хотя и раскаивается в своем предательстве. Отвергся от Христа Пилат, но он тоже не плачет и не тужит. Отвергли Христа архиереи и князья израильские, книжники, фарисеи и все множество народа, кричавшие: «Распни, распни Его» (Лук. 23:21). Все они отвергли Христа, но не рыдают, не плачут, как и мы часто это делаем.

За плач и раскаяние Христос восстановил Апостола Петра после Своего воскресения. Трижды спросил его Христос: «Симон Ионин, любишь ли ты Меня?» И трижды ответил Ему Петр: «Господи, Ты же знаешь, что я люблю Тебя». Посмотрим на Апостола Павла. Он гнал Церковь Христову, ибо тогда он был духовно слеп. Господь снял пелену с его ума. Когда Апостол Павел шел в Дамаск, чтобы оттуда привести христиан на мучение в Иерусалим к первосвященникам, сильный свет озарил и ослепил его, и он услышал голос: «Савл, Савл, зачем ты гонишь Меня?»